

"Наруто-кун. Наруто-кун, пора просыпаться. Сегодня у тебя тренировка".

Наруто застонал и попытался натянуть одеяло на голову, надеясь отгородиться от слабого света, уже начинающего заполнять комнату, и мягкого, но настойчивого голоса над головой. На полсекунды ему кажется, что это получилось, но тут на матрас рядом с ним опускается груз, и рука мягко, но настойчиво трясет его за плечо.

"Вставай, Наруто-кун", - призывает голос, звучащий забавно, и Наруто снова застонал, заставляя себя открыть глаза. Размытое пятно красно-коричневого цвета над ним на мгновение колеблется, а затем превращается в лицо его кузена, улыбающееся ему.

"Курама-нии?" - успевает спросить он после секундного замешательства.

"Вставай", - повторил Курама, потянувшись, чтобы пощипать его за нос с тихим смешком. "Через час ты должен встретиться со своей командой. Иди прими душ и оденься, а потом приходи есть. Я приготовлю завтрак к тому времени, как ты закончишь". Он встает с грацией, совершенно недопустимой для этого часа утра, предусмотрительно прихватив с собой одеяло и легко уклонившись от попыток Наруто вернуть его. Прежде чем Наруто успевает издать хотя бы звук протеста или указать на то, что, судя по тому, что происходило в последние два дня, Какаши-сенсей опоздает как минимум на два часа, так что ему следует позволить выспаться, Курама уже выходит за дверь, одеяло все еще болтается у него под мышкой, как немного примятое знамя победы.

Наруто со стоном откидывается на подушки, проклиная тот факт, что его двоюродный брат, похоже, является воплощением утреннего человека.

Двадцать минут спустя, почувствовав себя немного бодрее, Наруто опускается на один из кухонных стульев и смотрит на расставленную перед ним посуду.

"Что?" - в шоке спрашивает он.

Курама поднимает в его сторону забавную бровь. "Лосось на гриле, мисо-суп с луком и тофу, соленые огурцы, свежеприготовленный рис и стакан нежирного молока. Что-то не так, Наруто-кун?"

Прекрасный завтрак, еще более приятный от того, что Наруто не пришлось готовить его самому, но... "Э-э, Курама-нии, обычно я просто выпиваю чашку рамена. Правда, это..."

"Вкусно и очень сытно, не сомневаюсь, - вклинился рыжий, усаживаясь напротив Наруто со своим завтраком, - но, несмотря на вкус, это не полноценный завтрак, Наруто-кун. Рамен подойдет для обеда, так как в нем много калорий, чтобы восполнить потери во время тренировок, и соль, чтобы восполнить часть того, что ты выводишь с потом, но это не еда для завтрака. Пока ты живешь здесь, ты будешь питаться полноценно и сбалансированно".

"Но-рамен!" Наруто протестует, потому что рамен - это бог, и он ни за что не будет лишен возможности...

"Наруто." Курама смотрит на него и улыбается, и это выражение каким-то образом умудряется намекнуть, что закрой рот и ешь, иначе следующая еда, поданная в этом доме, будет включать твою идеально прожаренную плоть, и одновременно остается абсолютно добрым и невинным. "Ешь свой завтрак".

Наруто закрывает рот, не обращая внимания на дрожь ужаса, пробежавшую по позвоночнику (она борется за место в желудке рядом с теплом от мысли, что кто-то заботится о его питании), и съедает свой завтрак.

Вкусный, но все же слегка пугающий.

Пока они едят, Наруто наблюдает за своим кузеном. Курама выглядит бодрым и веселым, и впервые за все время, что Наруто его видит, на нем стандартная форма джоунина Конохи, хотя рубашка без рукавов и оставляет голыми татуированные руки. В лучах раннего утреннего солнца его волосы нервно переливаются цветом крови, но лицо спокойно, даже несмотря на бледные шрамы, рассекающие загорелую кожу. Наруто обводит их взглядом, стараясь не привлекать внимания. Один тянется от правой стороны челюсти до линии роста волос, другой спускается от середины левой щеки по коже горла и исчезает под волосами.

Когда Курама достает тамари, его внимание привлекает слабое мерцание фиолетового света, и Наруто моргает, переводя взгляд на одну из татуировок на его запястье. Она светится, хотя и слабо, и он не может удержаться от того, чтобы не посмотреть на нее.

"А, - говорит Курама, видимо, заметив направление его взгляда. Он отводит руку назад и переворачивает его руку, изучая метку, а затем смотрит на Наруто с удивительно яркой улыбкой. "Ты когда-нибудь видел печати раньше, Наруто-кун?"

Почти автоматически рука Наруто тянется к животу, надавливая на печать, и тут он замирает. "Ч-что?" - пискнул он.

Курама продолжает улыбаться, как будто не замечает его колебаний. "Печати", - повторяет он и кладет обе ладони на стол так, чтобы Наруто мог видеть замысловатые, извилистые узоры, впечатанные в его кожу. Среди них нет двух одинаковых, хотя некоторые слабо похожи, и Наруто наклоняется вперед, чтобы изучить их, сузив глаза в замешательстве.

"Как... для хранения вещей?" спросил Наруто, пытаясь вспомнить, говорил ли Ирука-сенсей что-нибудь об этих вещах. "Ну... что-то вроде свитков для запечатывания?"

Курама кивает, и выражение его лица меняется на ласковое, когда он проводит пальцами по руке, обводя контуры одного из знаков. "Запечатывающие свитки - самая простая форма", - признает он. "Большинство шиноби могут их сделать, так как это невероятно простая

конструкция. Запечатывание в основном заключается в сдерживании и удержании или перенаправлении силы, а дальше люди ограничены только своим воображением и размером, который они хотят получить".

Наруто сморщил нос: "Но это же совсем не круто! Ты ничего не сможешь сделать, просто храня вещи внутри!" С опозданием в полсекунды он понимает, что это прозвучало оскорбительно, и морщится, надеясь, что его не вышвырнут за уши.

Но Курама не обиделся, а только рассмеялся. "На первый взгляд так и есть, - соглашается он, - и именно поэтому осталось не так уж много мастеров печатей, кроме тех, кто спасся после падения Узушиогакуре". Он наклоняется вперед и поворачивает руку, демонстрируя Наруто набор изгибающихся узоров, идущих от сгиба локтя до запястья. "Например... ты знаешь, что такое сродство стихий?"

"Э-э..." Ирука-сенсей определенно говорил об этом - был даже тест на эту тему, - но главное, что Наруто помнит о том дне, это то, как большинство девочек закричали, когда нашли его резиновых пауков у себя на партах. Он быстро трясет головой.

К счастью, Курама по-прежнему выглядит просто забавным. "Сродство к стихиям показывает, какие дзюцу шиноби лучше всего использовать. Здесь, в Стране Огня, большинство шиноби имеют сродство к огню, но нередко встречаются и другие виды. У Учихи есть несколько сродств к молнии, у Хёуги часто встречаются сродства к воде, а некоторые из низших кланов шиноби, например Камизуки, обладают сродством к земле. Шиноби могут научиться хорошо владеть стихией, которая им не свойственна, но это гораздо сложнее, и они всегда будут лучше владеть своей природной стихией".

Наруто открывает рот, чтобы задать очевидный вопрос, но прежде чем он это сделает, Курама прерывает его, слабо приподняв бровь и снова указывая на знаки на его руке. "У меня сродство к ветру, но с помощью печатей я могу взять свою чакру, сдержать ее и пропустить через серию матриц преобразования стихий..." Он прерывается с усмешкой, видя совершенно пустой взгляд на лице Наруто. "Печати содержат чакру, которую я им скармливаю", - уточняет он, ничуть не расстраиваясь из-за того, что ему приходится делать это так, как делали многие учителя Академии, пока Наруто просто не перестал беспокоиться. "Они изменяют сродство моей чакры к стихиям, и когда я выпускаю чакру, то могу использовать ее так, как будто у меня совершенно другое сродство. Такие вещи могут делать печати. Как я уже сказал, все зависит от вашего воображения. Если вы сможете найти способ добавить правильные печати, простое сдерживание чакры может стать вашим величайшим оружием".